
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.14

Правильная ссылка на статью:

Ни М. Л. Этническая идентификация и транснациональные практики российских корейцев в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 209—224.

For citation:

Ni M. L. Ethnic identification and transnational practices of Russian Koreans in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1. P. 209—224.

М. Л. Ни

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ETHNIC IDENTIFICATION AND TRANSNATIONAL PRACTICES OF RUSSIAN KOREANS IN SAINT PETERSBURG

*Ни Максим Леонидович — аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: jintae@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7285-0237*

*Maxim L. Ni¹ — Post-Graduate Student
E-MAIL: jintae@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7285-0237*

¹ Department of Sociology, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Анализируется связь между способами этнической идентификации и деятельностью национально-культурных объединений на примере российских корейцев Санкт-Петербурга. Исследование основано на анализе материалов качественного фокусированного интервью с участниками двух корейских национально-культурных объединений Санкт-Петербурга. Статья включает исторический обзор миграций корейцев в Россию и СССР, при этом отмечаются региональные различия среди мигрантов. Раскрываются теоретико-методологические основания исследо-

Abstract. The paper explores the interrelations between the ethnic identification and the organizational activities of national-cultural associations of the 'Russian Koreans' in St. Petersburg. The study is based on 21 qualitative focused interviews with the participants of two Korean national-cultural associations in St. Petersburg. The article provides historical overview of Korean migrations to Russia and the USSR with special attention to regional differences. Theoretical and methodological foundations concerning symbolic nature of the ethnic borders are characterized. Three patterns

вания, которые связаны с признанием символической природы этнических границ. Результаты анализа эмпирического материала характеризуют два национально-культурных объединения, а также способы этнической идентификации их участников. Выделяется три таких способа: «укорененная гибридная идентификация», «этническая индифферентность» и «интенсификация транснациональных контактов». Первый способ связан с организацией мероприятий и поддержанием сетей общения в локальном сообществе. Второй — характеризуется отрицанием значимости идентификации как «корейца». Третий — предполагает важность не только традиций, но и языка и связан с развитием отдельных транснациональных практик. Делается вывод о соотношении между спецификой национально-культурных объединений и характером этнической идентификации.

Ключевые слова: российские корейцы, этническая идентификация, транснациональные практики, национально-культурные объединения, потомки мигрантов

Благодарность. Текст статьи подготовлен при поддержке Международной исследовательской лаборатории СПбГУ «Тандем».

Постановка проблемы

После распада СССР в сознании россиян произошёл поворот к этническому самоопределению. Это выразилось, в том числе, в государственной поддержке национально-культурных объединений: право на этническую самоорганизацию естественным образом вытекает из права на самоопределение. На данный момент большинство подобных объединений постулирует возрождение национальной культуры и традиций главной целью своей деятельности. В то же время, наблюдается интенсификация международных контактов во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в отношении связей этнических организаций с «исторической родиной».

of ethnic identification are singled out: «embedded hybrid identification», «ethnic indifference» and «intensification of transnational contacts». The first pattern deals with organization of events and networking within the local community. The second one is related to the denial of the importance of being Korean. The third one highlights not only traditions but also the language and implies development of transnational practices. The author concludes that there is a correspondence between the specific features of national-cultural associations and the pattern of ethnic identification.

Keywords: Russian Koreans, ethnic identification, transnational practices, migrants' descendants

Acknowledgments. The paper is supported by the St Petersburg State University «TANDeM» International Research Laboratory.

Одним из следствий этих процессов является появление транснациональных практик и возникновение транснациональных социальных пространств [Faist, 2013]. Транснациональные феномены не следует отождествлять с простым развитием международных связей или с глобализацией: они предполагают «ситуацию, в которой индивид, социальная группа или организация находятся одновременно «здесь и там», в двух разных социальных пространствах и/или повседневных мирах... При этом транснационализм... проявляет себя в разных формах и с разной интенсивностью: от простой диффузии (обмена благами, капиталами, услугами и т. д.) до образования устойчивых организаций и сообществ» [Резаев, Кивисто, 2015: 8]. Обычно под «здесь» и «там» имеют в виду два национальных государства, однако транснационализм связан с существованием «поверх» региональных границ и в более широком смысле. Следует также отметить, что анализ транснациональных феноменов часто связывают с исследованиями миграции, однако они могут существовать и вне миграционных процессов — в транснациональных компаниях, сетях общения, религиозных организациях и т. д.

Исследовательский вопрос настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: как разные типы национально-культурных объединений влияют на способы этнической идентификации их участников? В частности, возникают ли транснациональные практики у участников организаций «нового типа», ориентированных на международные контакты? Данная проблема рассматривается на материалах сравнительного анализа деятельности и нарративов участников двух организаций, работающих с российскими корейцами. Случай российских корейцев представляется интересным по двум причинам. Во-первых, Южная Корея — страна, в значительной степени включенная в процессы глобализации и в формирование транснациональных пространств. Более того, как «историческая родина» она может представляться благоприятным местом для иммиграции. Во-вторых, внутри российских корейцев, как будет отмечено ниже, существуют региональные деления, которые могут по-разному сочетаться с собственно корейской идентификацией.

Мы начнем с исторического обзора миграций корейцев в Россию и СССР, указывая на временные и региональные различия в группах мигрантов и их потомков. Далее будут представлены теоретико-методологические основания исследования, связанные с признанием символической природы этнических границ, а также методика исследования. Эмпирические результаты исследования изложены в двух разделах: о специфике действующих в Санкт-Петербурге корейских национально-культурных объединений и о способах этнической идентификации, характеризующих нарративы информантов. В заключение мы сделаем вывод о соотношении между спецификой организаций и характером этнической самоидентификации, а также о наличии транснациональных практик среди корейцев Санкт-Петербурга.

История миграций корейцев в Россию и СССР

Первые факты появления выходцев из королевства Чосон¹ на территории российского Дальнего Востока фиксируются 1863 г. Это были в большинстве своём крестьянские семьи, ищущие в России спасения от голода и налогов, установлен-

¹ Чосон — название государства, существовавшего на территории корейского полуострова до 1897 г.

ных феодалами-янбанами. В 1869 г. в специальных поселениях проживало уже 6543 человек [Вагин, 1875]. Процесс миграции пошёл на спад только к 1884 г. в связи с заключением договора между королевством Чосон и Российской империей, запрещавший принятие «перебежчиков». Тем не менее корейцам перешедшим границу до 1884 г. было даровано российское подданство [Пак, 1993]. К началу 1900-х гг. больше половины жителей корейских поселений понимало русский язык. Усилилась тенденция отдавать детей в русские школы. Всё больше элементы русского быта стали включаться в жизнь переселенцев [Недачин, 1913]. К 1917 г. дальневосточные корейцы практически полностью приняли российское гражданство и активно интегрировались в общественную жизнь страны.

Следующий этап в истории российских корейцев приходится на 1930-е гг. и связан с травматичным опытом депортации с территории Дальнего Востока. Причиной массовых переселений стало постановление ЦК ВКП(б) о принятии мер по пресечению проникновения японских шпионов. Всем жителям Приморья и Уссурийского края корейской национальности было предписано в кратчайшие сроки собрать необходимые вещи. В связи с тяжелыми условиями перевозки, в пути погибло несколько сотен человек. Несмотря на государственную дискриминацию, историки отмечают быстрые темпы интеграции корейцев. Этому во многом способствовал тот факт, что положение этнических корейцев было лучше с позиции других «репрессированных народов»: корейцам не запрещалось занимать руководящие посты, и поступать в высшие учебные заведения [Ланьков, 2002].

Проживание в разных республиках Советского Союза наложило отпечаток на культурные практики корейцев Узбекистана, Казахстана и Северного Кавказа. Это отразилось в кулинарных традициях, праздниках и даже особенностях языка. Например, этнические корейцы, проживающие на территории Таджикистана, часто называют дедушек «бобо», а корейцы из Казахстана — «абай». После распада Советского Союза многим представителям не титульных национальностей пришлось искать способы отъезда из бывших республик в связи с конфликтами, имеющими этническую окраску. Миграционная волна захватила и многих корейцев. Именно так они оказались расселены по всей России.

Следует также отметить, что уже после войны на территории Советского Союза появилась ещё одна группа корейских мигрантов. В результате послевоенных переговоров с Японией в 1945 г. о. Сахалин становится частью СССР. После ухода японского правительства там находилось более 45 тыс. этнических корейцев; большая часть из них решила остаться и принять советское гражданство. В основном это были выходцы из южных провинций, сохранившие тесные контакты с родиной, а также разговорный язык и аутентичные культурные практики. Сахалинские корейцы до сих пор имеют отличную от «советских» корейцев этническую идентификацию, выделяя себя в отдельную группу.

Сейчас корейцы расселены по всей территории России. По данным переписи 2010 г., по всей стране проживает 153 156 этнических корейцев, что составляет 0,11% от числа общего числа населения страны², из них 4 031 человек проживает

² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 19.01.2017).

в Санкт-Петербурге. Сюда входят и выходцы из Средней Азии, и переселенцы с Сахалина, и мигранты из других городов России.

Теоретико-методологические и методические основания исследования

В настоящем исследовании мы основывались на конструктивистском подходе, что предполагает определение этничности в процессуальных терминах. Этничность понимается нами как динамичный процесс социальной организации культурных различий, релевантных для самоопределения и отграничения других. Кроме того, данная точка зрения усиливается нами за счёт использования теоретических положений Роджерса Брубейкера, радикально десубстанциализирующего понятие этнической идентичности [Брубейкер, 2012]. Процесс самоопределения здесь трактуется в терминах процессов и отношений, а не сущностей, вследствие чего термин «идентичность» предлагается заменить термином «идентификация». Автор подчёркивает, что идентификация — это не просто процесс разметки групповых границ, но и определённый способ видения и истолкования мира в этнизированных категориях, а также производства здравого смысла на их основе [Брубейкер, 2012: 58]. В этой связи для нас, вслед за Брубейкером, большое значение имеет анализ «этнического фрейма» — придания конкретной биографической ситуации этнических коннотаций, которое обнаруживает этнически окрашенное осмысление повседневных ситуаций и является индикатором интенсивности идентификации.

Важное место в нашем анализе занимает организационный фактор. Вслед за Ф. Бартом мы полагаем, что коллективные действия членов этнических групп являются следствием политической мобилизации и консолидации [Barth, 1977]. Предполагается, что от характера деятельности национально-культурных объединений во многом зависит конфигурация этнической, а также гражданской идентификации.

Наконец, мы соглашаемся с В. С. Малаховым, и придерживаемся представлений о символической природе этничности [Малахов, 2001]. Элементы, образующие этнические границы, выступают как символ, по отношению к которому выстраиваются референции. Исходя из этого, можно выделить два пласта измерения этнического:

1. Недискурсивный уровень, который включает различные визуальные образы, музыку, предметы материальной культуры. Традиционная этническая одежда, письменный язык (шрифт), а также имена вполне могут потерять своё функциональное значение, но они эстетизируются как символы принадлежности к этнической группе.

2. Дискурсивные этнические символы включают в себя нарративы, отсылающие к образу сообщества. Это могут быть мифы об общем происхождении, значимые страницы истории «народа», традиционные описания символических этнических праздников, национальная литература. Отдельно стоит упомянуть исторические нарративы, связанные с пережитой культурной травмой [Alexander, 2003].

Материалы эмпирического исследования были собраны в 2014—2015 гг. в ходе интервью с активистами корейских национально-культурных объединений Санкт-Петербурга, а также участниками мероприятий проводимых этими организациями, с учётом этнического самоопределения как представителя корейской этнической

группы. Перед основным этапом исследования был проведён отбор организаций на основании анализа реестра НКО интернет-ресурса «Поликультурный Санкт-Петербург»³. На предварительном этапе было отобрано пять организаций, в названиях которых фигурировали различные варианты слова «корейский». При попытке установить предварительные контакты оказалось, что в настоящее время в городе функционируют две организации: Санкт-Петербургская национально-культурная автономия и Корейский молодёжный культурно-просветительский центр.

Отбор информантов проходил по методике «снежного кома», через четыре не связанные между собой «точки входа». Всего было проведено 21 качественное фокусированное интервью с информантами, участвующими в деятельности организаций, включая два экспертных интервью с руководителями организаций. В ходе интервьюирования нам было важно проследить, как акторы проводят социальные границы здесь и сейчас, к каким ценностям апеллируют. В гайд интервью были включены четыре блока. Первый направлен на реконструкцию краткой биографии информанта и позволяет получить информацию об условиях социализации, опыте межэтнического взаимодействия, дискриминации, посещения исторической родины и т. д. Второй блок содержит вопросы, связанные с выявлением социально значимых для информантов культурных черт, включая ценности, на основе которых проводится этническая граница. Третий блок направлен на выявление представлений об «идеальной модели» корейской культуры. Четвёртый блок сосредоточен на основных причинах вступления в организацию, восприятие мероприятий, проводимых организацией и отношение к её деятельности в целом.

Корейские национально-культурные объединения в Санкт-Петербурге

Как уже было отмечено, сегодня в Санкт-Петербурге полноценно функционируют два национально-культурных объединения.

Первая организация, «Санкт-Петербургская корейская национально-культурная автономия» (КНКА) была основана в 1982 г. петербургским киноактёром Вячеславом Цоем. Исходной мотивацией создания автономии стало стремление к «организации свободного общения представителей корейской национальности». Впоследствии цели деятельности организации расширились до «возрождения национальной культуры, традиций и языка». Деятельность центра осуществляется силами активистов с привлечением спонсорских средств. На данный момент КНКА входит в состав «Общероссийского объединения корейцев», а также в совет по межнациональным отношениям Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Представители автономии участвуют в организации этнических фестивалей, концертов, мастер-классов, а также спортивных мероприятий на муниципальном уровне.

Основу деятельности автономии составляет организация мероприятий, приуроченных к таким событиям, как Восточный новый год (Солналь), День поминовения предков (Хансик), День независимости корейского полуострова от японских захватчиков, День пожилого человека. Проводятся специальные «вечера памяти», на которых читаются лекции по истории российских корейцев. В рамках лекций затрагиваются аспекты появления корейцев на территории

³ Поликультурный Санкт-Петербург [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ethnospb.ru/p4/t11/I90/index.htm> (дата обращения: 12.10.2015).

России, культурные особенности корейцев как этнической группы, особой темой является опыт сталинских репрессий и депортаций. Для освещения подобных тем приглашаются свидетели исторических событий. Впрочем, как отмечает эксперт, лекции пользуются гораздо меньшей популярностью, нежели праздничные мероприятия. На торжественные мероприятия обычно собираются от 200 до 400 человек, а на «вечера памяти» — от 50 до 100. Большая часть контингента — этнические корейцы (около 4/5). Основные каналы распространения информации о деятельности КНКА — это объявления в сетевых сообществах, а также личные контакты. В рамках проведения мероприятий часто организуется адресная помощь пожилым этническим корейцам.

В состав организации входят три подразделения: молодёжное крыло «Kimchi-Club», ассоциация корейских женщин и курсы корейского языка.

Деятельность объединения «Kimchi-club» связана с организацией мероприятий по совершенствованию «практических навыков». Сфера «практического» распределяется от владения навыками корейских боевых искусств до организации визитов на завод концерна *Hyundai*. Часто мероприятия проводятся совместно с корейским торговым представительством в Санкт-Петербурге и консульством Республики Корея. К участию приглашаются все желающие вне зависимости от этнической принадлежности.

Основная цель «Ассоциации корейских женщин» состоит в организации творческой деятельности — разучивании и выступлении с репертуаром русской и корейской народной песни и танца. Творческой площадкой являются торжественные мероприятия, проводимые под эгидой национально-культурной автономии. Кроме того, ассоциация корейских женщин занимается организацией адресной помощи нуждающимся, посредством организации «касс взаимопомощи».

Третье направление деятельности автономии — это организация курсов корейского языка и творческих практик. На данный момент деятельность по этому направлению «заморожена», но планируется набор групп с сентября 2016 г.

Вторая организация, «Корейский культурно-просветительский центр» основана осенью 1995 г. по инициативе преподавателя из Южной Кореи Пак Хе Вона. Целевой группой на первом этапе были российские корейцы, а целью — знакомство с культурой «исторической родины». Впоследствии цели деятельности центра сместились в сторону культурного просвещения в силу популярности курсов корейского языка у жителей Санкт-Петербурга. Помимо организации обучения, деятельность организации включает организацию культурных мероприятий, приуроченных к корейским национальным праздникам, а также большой фестиваль корейской культуры. Основные направления деятельности центра — это преподавание корейского языка; клуб традиционной музыки: корейские ударные «Самульнори»⁴; клуб традиционных корейских танцев; разговорный клуб; клуб игры в го. В рамках праздников устраиваются красочные театральные представления на корейском языке, а также танцевальные номера и выступления ансамбля «Самульнори». Организация праздников часто осуществляется совместно с консульством Республики Корея.

⁴ Самульнори — общее название практики игры на традиционных корейских ударных инструментах.

Важным аспектом деятельности центра является внешнее сотрудничество. Танцевальную группу часто приглашают на мероприятия КНКА, а также на празднования корейских юбилеев и свадеб. Активисты участвуют в чтении лекций по корейской культуре и проведении мастер-классов в школах и вузах Санкт-Петербурга. Отдельно следует упомянуть о сотрудничестве с филиалами *Hyundai* и *Samsung*: преподавателей и студентов центра приглашают для проведения краткосрочных оплачиваемых курсов корейского языка сотрудникам фирмы. Многие студенты, освоившие язык до разговорного уровня, устраиваются в административный аппарат филиалов корейских фирм, а также уезжают на обучение в Республику Корея.

По классификации Б. Е. Винера [Винер, 2001], центр относится к этническим организациям инструментально-просветительского характера. Работа центра основывается на воспроизводстве образовательных практик, направленных на повышение культурных компетенций. В отличие от деятельности КНКА, такая форма работы характерна для антиассимиляционных движений. Однако, по данным экспертного интервью, большая часть активистов и учеников центра не являются этническими корейцами: в классах корейского языка из 70 обучающихся только 15 корейцев.

Подводя итоги, следует указать на различия в деятельности организаций. Для КНКА первостепенное значение имеет «сборка» локального этнического сообщества, организованная вокруг отдельных событий — праздничных мероприятий и лекций. Деятельность Корейского культурно-просветительского центра, помимо организации мероприятий, направлена на повышение этнокультурных компетенций. При этом у успешных студентов появляется инструментальный ресурс, позволяющий устанавливать связи с представителями «исторической родины».

Паттерны этнической идентификации в нарративах информантов

В ходе анализа интервью с информантами, участвующими в деятельности организаций, были выделены три устойчивых паттерна, характеризующие способы этнической самоидентификации корейцев Санкт-Петербурга. Их можно обозначить как «укорененную гибридную идентификацию», «этническую индифферентность» и «интенсификацию транснациональных контактов».

Первый способ самоидентификации — **«укорененная гибридная идентификация»** — характеризуется тем, что информанты признают смешение этнокультурных паттернов, вызванное «объективными историческими процессами» аккультурации корейцев в России, а также влиянием среды в различных республиках бывшего СССР. Заимствования культурных элементов других этнических групп расценивается скорее как достоинство, подчёркивающее «приспособляемость» группы к внешним условиям. Это предполагает признание утраты большей части элементов этнической культуры; тем не менее информантами артикулируется необходимость воспроизводства сохранённого наследия. Особой важностью наделяется исторический опыт, связанный с появлением корейцев на территории России, а также сталинские репрессии 1930-х и 1940-х гг.

У информантов также прослеживается стремление к организации этнических сетей общения. Это можно объяснить, обращаясь к специфике биографического опыта. Во-первых, информанты, переехавшие в Санкт-Петербург из стран Средней

Азии, отмечают, что до приезда в этот город они не поддерживали контактов с представителями своей этнической группы. Социальное окружение таких информантов зачастую полностью исключало корейцев помимо родственников. После переезда, в условиях незнакомого города, этничность становится значимым ресурсом формирования социального капитала:

Я всегда ощущал себя корейцем, много общался с родственниками, вторые-третьи колена. Друзей-корейцев не было, все друзья русские, татары, уйгуры, кыргызы. Столкнулся плотно с самоидентификацией себя как корейца уже в Петербурге (Артур, 36 лет).

Я, знаешь, так скажу. В Ташкенте я мало общался с корейцами. Друзья были узбеки, русские, корейцев может один-два. А приехав в Россию, я с корейцами стал больше общаться. В окружении этого всего «Россия для русских» и с корейцами мне стало теплее общаться. Я стараюсь не пропускать сходняки. С другими, конечно тоже общаюсь (Влад, 22 года).

Последний информант, кроме того, отмечает давление общего политического дискурса в стране. При этом с прямой дискриминацией в Санкт-Петербурге он ни разу не сталкивался. Этническая идентификация позволяет компенсировать неуверенность в дружелюбности городского сообщества. При этом важно, что дружеские отношения не замыкаются на своей этнической группе. Этнические социальные сети, как мы выяснили в ходе анализа, формируются параллельно «общей» сети контактов и гармонично с ней сосуществуют.

Толчком к интенсивному формированию неформальных социальных связей является ориентация на участие в мероприятиях Корейской национально-культурной автономии. Такая форма «сборки» сообщества предполагает концентрацию на межличностном общении (а не на образовательных практиках).

Знакомые рассказали. Говорят мол, есть такой вот центр, там на новый год зовут! Мы с женой и пошли, нам очень понравилось. Много с кем познакомились. Это где-то в 2005-м было. Так и ходим, посещаем мероприятия. Очень здорово у них. Там и девочки с веерами танцуют, и песни поют, и даже деньгами старикам помогают! Молодцы, в общем! (Леонид, 70 лет).

Следует также отметить, что для «укоренённой гибридной идентификации» характерна выраженная гражданская идентичность. Информанты признают Россию фактической родиной и выражают привязанность к ней:

Я в армии присягу давал, жизнью рисковал. И таких как я много. Даже те кто из Средней Азии корейцы. Они родиной считают Советский Союз — не Корею же (Владимир, 35 лет).

«Гражданская укоренённость» основывается на биографическом опыте включения в полиэтнические группы, а также на отсутствии явной этнической дискриминации. Россия воспринимается как правопреемник СССР. Исключением является опыт вынужденных переселенцев из республик Средней Азии, переживших подъём радикального национализма в начале 1990-х гг. Однако он распознаётся большинством информантов как вид политической провокации, манипуляциями чувствами «простого народа».

Скажем так, резко изменили отношение. В магазинах стали говорить: «корейцы, уезжайте! Вы не наш, вы русский!». Это всё политика... Вот мой сосед по лестничной клетке так и говорил, что народу голову затуманили. Сволочи! (Леонид, 70 лет).

Это они инсценировали, как будто туркмены напали. А на самом деле узбеки. Политическая борьба. Хорошо, что я живой остался. Всех, кто не туркмены убивали, если они хорошо жили (Георгий, 62 года).

Ориентация на российский и советский биографический опыт связана с осознанием внутригрупповой культурной дистанции. Информанты подчёркивают, что региональная идентификация российских корейцев довольно заметно различается.

Когда корейцев мало, они друг друга очень поддерживают, а когда их становится много, она разобщаются. В этом эталон сахалинские корейцы. Они всегда держат свое слово (Артур, 36 лет).

Корейский менталитет у меня различается. Среднеазиатский кореец имеет свой менталитет, Сахалин — у них свое, на Кавказе — свое. А что нас объединяет... да только традиции! И то, есть детали (Влад, 22 года).

Корея воспринимается как символ общности корейцев. Информанты интересуются политическим противостоянием на корейском полуострове, но российских корейцев явно обособляют. Успехи Южной Кореи воспринимаются как повод для гордости, но переезд на постоянное место жительства как вариант миграционной стратегии отклоняется.

Чем больше живу, тем больше горжусь. На это очень повлияла Южная Корея. Раньше о корейцах знали, что они труженики, а сейчас все, что мы видим — автомобили, телефоны, все их. Все стали знать и уважать (Игорь, 61 год).

Связи с исторической родиной ограничиваются коммерческими взаимодействиями с гражданами Южной Кореи на территории Российской Федерации и краткосрочными визитами в Корею. На организационном уровне преобладает проведение мероприятий совместно с корейскими фирмами и консульством.

Все связи с Южной Кореей у нас идут через генеральное консульство. Мы с ним согласовываем планы мероприятий. Они участвуют в наших мероприятиях, а мы — в их (Игорь, 61 год).

Подводя итоги, следует говорить о «мягкой» организации этнических границ в рамках «укорененной гибридной идентификации». Утрата элементов этнической культуры вследствие аккультурации воспринимается с сожалением, основные усилия предпринимаются для сохранения оставшихся традиций и обычаев. Большое значение приобретает недискурсивный уровень этничности: еда, праздники, национальный костюм. Владение языком не воспринимается как конститутивное «ядро этничности». На организационном уровне основным агентом воспроизводства «укоренённой гибридной идентификации» является национально-культурная автономия, которая делает акцент на актуализации исторического опыта именно российских (советских) корейцев. С этим связывается интенсификация гражданской идентичности. Этничность используется для конструирования локальных социальных сетей взаимодействия через проведение масштабных мероприятий. Планы на будущее связываются с Россией; связи с Кореей ограничиваются туристическими поездками, а также сотрудничеством с южно-корейским консульством и филиалами корейских компаний с целью развития бизнеса в России.

Второй паттерн самоидентификации информантов — это «**этническая индифферентность**», для которой характерно декларирование не корейской иденти-

фикации. Информанты подчёркивают отсутствие привязанности к этнической группе, отсылая к успешному опыту социализации в полиэтничном сообществе, к отсутствию опыта дискриминации, а также к прагматической политике формирования жизненного стиля в семье.

Я себя до сих пор не ощущаю корейкой. Хотя может из-за того, что в окружении не делают на этом акцент (Ирина, 28 лет).

Как и в случае «укорененной гибридной идентификации», предпочтение отдаётся интериоризации элементов доминирующей культуры, но в более радикальной форме. Это особенно заметно проявляется в отношении недискурсивных символов этничности, таких как кулинария и одежда. Информанты либо заявляют, что приготовление специфически этнических блюд не оправдывает затраты по поиску необходимых продуктов, либо присваивают этнической еде статус хобби, реконструкции.

Я иногда делаю что-нибудь этакое, типа кукси⁵! Но это так, в охотку. Больше мы, конечно, российскую кухню используем. Продукты найти проще, да и привычнее (Валентина, 25 лет).

Традиции признаются безвозвратно утерянными, потерявшими «функциональное значение». Их восстановление считается задачей трудновыполнимой, хотя и благородной. Культурная дистанция внутри группы либо не распознаётся, либо артикулируется явно, но в разъединяющем ключе.

Традиции это хорошо, но мы же забыли давно о том, зачем нужно кланяться. Это у них, в Корее норма. А здесь так никто не делает. Даже среди наших корейцев. Они все себя ведут как обычные люди (Анна, 24 года).

Южные корейцы не воспринимают нас корейцами, называют нас корё-ин. И я согласна с ними (Ирина, 28 лет).

Отношение к «исторической родине» нейтральное. Все жизненные планы связываются с Россией. Корея воспринимается только как место для туристической поездки. Даже актуализация корейского языка в рамках этой стратегии имеет прагматическую цель: культурные компетенции связываются не с этничностью, а с профессиональной идентичностью преподавателя-просветителя.

Сейчас вот корейский стал профессией. Мне нравится учить и учиться вместе с моими студентами. Познавать другую культуру (Ирина, 28 лет).

Таким образом «этническая индифферентность» предполагает высокую степень аккультурации; идентификация с этнической группой выражена крайне слабо. Этническая культура как таковая либо не имеет значения в жизни информантов, либо инструментализируется и «сплавляется» с профессиональной идентичностью. Этническая идентификация часто оказывается смещённой в пользу гражданской.

Третий способ самоидентификации информантов может быть определен как **«интенсификация транснациональных контактов»**. С одной стороны, «общность» российских корейцев воспринимается как гибридная, многое утратившая за время проживания корейцев в бывших советских республиках. С другой стороны, как и в случае «укоренённой гибридной идентификации», признаётся культурная уникальность российских корейцев.

⁵ Корейское блюдо: лапша или холодный суп из нее.

Быть корейанкой не родившейся в Корее сложно. И в России ты не русский, и в Корее иностранец. Нет своего угла. Корейанкой быть... не скажу, лишней, но особенной (Марина, 19 лет).

В отличие от двух рассмотренных выше способов самоидентификации, информанты настаивают на том, что «быть корейцем» значит не только знать и поддерживать традиции, но и стремиться к освоению языка. Язык становится ключом к «воссоединению» с «родной» культурой.

Мне нравится традиция поклонов и 60 лет у родителей. И просьбы к духам предков, когда делаем «диса». Но для сохранения важен язык. Если ты не знаешь язык, все попытки приобщиться к культуре выглядят жалкими (Инна, 22 года).

Признание необходимости знания корейского языка связано с организационным контекстом. Все информанты, нарративы которых мы отнесли к «интенсификации транснациональных контактов», являются преподавателями, студентами или выпускниками Корейского культурно-просветительского центра и серьезно занимаются изучением корейского языка. К началу занятий, как правило, их побуждали родители.

Биографический опыт информантов указывает на постоянный контакт с корейскими этническими организациями, предоставляющими возможность экскурсионных поездок в Южную Корею.

Я ездила дважды в Корею по программе, для школьников и для студентов. Было так интересно, что нас так много. А нас от центра отправляли. Была программа от консульства. Чтобы мы были увлечены своей историей и культурой. Как я поняла, это чтобы мы вкладывались в Корею, рассказывать о ее культуре, вкладываться в экономику. Мне хотелось поехать. Я что, зря корейский учила? (Марина, 19 лет).

Опыт подобных путешествий служит материалом для сравнений социально-экономической обстановки и общей привлекательности условий проживания в России и Южной Корее. Кроме того, во время поездок формируются сети общения:

Ну, я после поездки в Сеул с друзьями общалась через специальную социальную сеть — Dait и Naver. Это такие корейские «Одноклассники». И вот там в общении друзья и рассказали, что есть такие программы международной стажировки... (Виктория, 28 лет).

На этом этапе включается прагматический аспект: изучение корейского языка превращается в возможность для улучшения качества жизни. Перед информантами открывается несколько перспектив, связанных с активным взаимодействием с «исторической родиной». Во-первых, это возможность выполнения функций преподавателя корейского языка в петербургских филиалах международных корейских компаний, а также трудоустройство в филиалы корейских фирм.

Я когда проводила собрание, заметила, что корейцев, может одна десятая, в среднем 20—30 лет. Многие чувствуют, что если будут знать корейский, то смогут хорошо подзаработать. Любая корейская компания возьмет узкоглазого. Он кореец и говорит на корейском. Многие устраиваются на Хёндай, они очень ценят знание языка (Марина, 19 лет).

Во-вторых, рабочие взаимодействия напрямую не связанные с организационным контекстом, но использующие языковые компетенции.

Я сейчас помогаю женам корейцев, которым нужна помощь с детьми, устраивать их в сад. Я смотрю на корейских детишек, на их повадки, на то, что они привезли с собой из Кореи, говорю с ними по-корейски, перенимаю от них какие-то современные словечки. Мне и самой интересно. Я и переводчик, и нянька, и специалист по документам. Мне предложила эту работу жена пастора⁶. Мама мне разрешила, и год назад я начала этим заниматься (Марина, 19 лет).

Из приведённого примера видно, что актуализация знаний языка происходит посредством включения в сети взаимодействия с южными корейцами, проживающими в Санкт-Петербурге. Вне рамок языковых компетенций это было бы невозможно.

В-третьих, обучение в культурно-просветительском центре открывает возможности трудовой миграции в Южную Корею. Несмотря на то что переезд сопряжён с трудностями, многие изучающие корейский язык всерьёз рассматривают возможность переезда. Основным требованием, опять же, оказывается знание языка.

Да, мы с мужем об этом подумываем. Он у меня просто программист, там как раз наших программеров из ИТМО очень ценят. Поэтому я сейчас его подучиваю немного. Сама постоянно вакансии переводчика на Daum просматриваю (Татьяна, 29 лет).

Другим вариантом является рассмотрение перспектив образовательной миграции. При этом подчёркивается понимание культурной дистанции между российскими корейцами и жителями Южной Кореи.

Да. Все русские хотят уехать из России. И это как-то передается. Я тоже хочу уехать. Я уже даже не знаю, хорошо ли там. Многие узбекские корейцы готовы на любую работу в Корею, и им там очень тяжело жить. Они живут как гастарбайтеры. Я не хочу так. Я хочу хорошо знать язык, выучиться в корейском университете и быть там своей. Бакалавриат можно окончить здесь, а в магистратуру туда. Или грант. Можно по обмену учиться (Марина, 19 лет).

Таким образом для «интенсификации транснациональных контактов» характерно расширение культурных элементов этничности: для информантов от знания корейского языка зависит освоение культуры в целом. Основным агентом воспроизводства данного способа идентификации является Корейский национально-просветительский центр, предоставляющий возможность обучения языку. Опыт посещения Южной Кореи с культурными и образовательными целями оказывает влияние на миграционные настроения информантов. В итоге формируется прагматическая установка на переезд, а в настоящем времени наблюдается формирование и поддержание транснациональных контактов в России через участие в деятельности Корейского национально-просветительского центра, транснациональных компаний, а также через поддержание дружеских связей.

Заключение

По результатам исследования этнических корейцев, проживающих в Санкт-Петербурге, обнаружена связь между способом этнической идентификации и участием в деятельности национально-культурного объединения. «Корейская национально-культурная автономия» — организация, нацеленная на воспроизводство

⁶ Пастор миссии корейской пресвитерианской церкви.

локального этнического сообщества — поддерживает «гибридную укоренённую идентификацию», связанную с уникальностью опыта и культуры российских корейцев. Основным мотивом деятельности организации становится поддержание сетей общения между корейцами и сохранение недискурсивных элементов этничности (традиционная еда, одежда, праздники) при относительно низком уровне контактов с «исторической родиной». Определение себя как гражданина России является здесь не менее важным, чем связь с корейской национальностью. Представляется, что данный паттерн идентификации укоренен в способе институционализации этничности и существования региональных (а теперь и страновых) границ, характерном для пространства бывшего СССР [Мартин, 2001].

«Корейский культурно-просветительский центр», напротив, воспроизводит культурные практики, среди которых основополагающее место занимает изучение корейского языка. Образовательная специфика обуславливает постоянные контакты с Южной Кореей, а также установление контактов с южнокорейскими компаниями, заинтересованными в переводчиках. С деятельностью этой организации связан способ этнической идентификации «интенсификация транснациональных контактов», ядром которого является актуализация корейского языка: информанты признают, что российские корейцы «много потеряли», но для возрождения культуры необходимо овладение языковыми компетенциями. Данный способ идентификации, в отличие от предыдущего, связан не с прошлым, а с настоящим и будущим — с процессами глобализации и с появлением транснациональных пространств. В случае Корейского центра можно говорить лишь об отдельных их элементах — транснациональных практиках и контактах. Тем не менее учитывая стремление информантов к миграции (трудовой или образовательной) в Южную Корею и к работе в транснациональных компаниях, а также их молодость и связь с родителями, в будущем развитие транснациональных практик представляется вполне вероятным.

Последний способ самоидентификации — «этническая индифферентность» — характеризуется отказом от корейского самоопределения. Этнические границы теряют значение, а элементы этнической культуры инструментализируются. К примеру, владение корейским языком рассматривается только как профессиональный навык. Этничность остаётся в тени гражданской или «общечеловеческой» форм идентификации. Контакты с исторической родиной либо отсутствуют, либо происходят в форме туристических поездок. При этом остается открытым вопрос, при каких условиях такая идентификация развивается и какое влияние оказывают на неё национально-культурные объединения. Полагаем, это может стать проблемой для дальнейших исследований.

Список литературы (References)

Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. [Brubaker R. (2012) *Ethnicity without groups*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)].

Вагин В. И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875—1876. Т. 1. С. 1—29. (8-я паг.)

[Vagin V. I. (1875—1876) Koreitsy na Amure [Koreans on the Amur]. In: *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedenii o Sibiri i sopredel'nykh ei stranakh* [A Collection of Historical and Statistical data about Siberia and neighboring countries]. St Petersburg. Vol. 1. P. 1—29. (In Russ.)].

Винер Б. Е. Этнические организации в Санкт-Петербурге // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 110—121. [Viner B. E. (2001) Etnicheskie organizatsii v Sankt-Peterburge [Ethnic organizations in St Petersburg]. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1. S. 110—121. (In Russ.)].

Ланьков А. Н. Корейцы СНГ: страницы истории // Сеульский вестник. 2002. № 3. URL: <http://vestnik.kr/article/historypage/3551.html> (дата обращения 19.01.2017). [Lankov A. N. (2002) Koreitsy SNG: stranitsy istorii [Koreans in CIS: pages of history]. *Seulskii vestnik* [The Seoul Herald]. No. 3. URL: <http://vestnik.kr/article/historypage/3551.html> (accessed 19.01.2017). (In Russ.)].

Малахов В. С. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Олкотт, И. Семёнова. М. : Гендальф, 2001. С. 115—137. [Malakhov V. S. (2001) Simvolicheskoe proizvodstvo etnichnosti i konflikt [The Symbolic Production of Ethnicity and Conflict]. In: *M. Olcott, I. Semenov (ed.) Yazyk i etnicheskii konflikt* [Language and Ethnic Conflict]. Moscow: Gendal'f. P. 115—137. (In Russ.)].

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923—1937 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. [Martin T. (2011) The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1937. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): Fond «Prezidentskii tsentr B. N. Eltsina». (In Russ.)].

Недачин С. Корейцы-колонисты. К вопросу о сближении корейцев с Россией // Восточный сборник. Изд. общества русских ориенталистов, 1913. С. 183—205. [Nedachin S. (1913) Koreitsy-kolonisty. K voprosu o sblizhenii koreitsev s Rossiei [The Korean Colonists. On the Question of the Rapprochement of Koreans with Russia] *Vostochnyi sbornik. Izd. obshchestva russkikh orientalistov* [Eastern collection. Society of Russian Orientalists Publ.]. P. 183—205. (In Russ.)].

Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи. М., 1993. [Pak B. D. (1993) Koreitsy v Rossiiskoi imperii [Koreans in the Russian empire]. Moscow. (In Russ.)].

Резаев А. В., Кивисто П. Введение // Сборник научных трудов «Современные проблемы исследований миграции и транснационализма» / под ред. П. Кивисто, А. В. Резаева. Том I. «Часть 1». СПб., 2015. С. 7—14. [Rezaev A. V., Kivisto P. (ed.) (2015) Vvedenie [Introduction]. *Sbornik nauchnykh trudov «Sovremennye problemy issledovaniy migratsii i transnatsionalizma* [Proceedings «Current issues of migration and transnationalism studies»]. Vol I. «Part 1» St Petersburg. P. 7—14. (In Russ.)].

Alexander J. C. (2003) *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press.

Barth F. (1994) Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity. *The anthropology of ethnicity: Beyond «ethnic groups and boundaries»*. Ed. by Vermeulen H., Govers C. Amsterdam: Het Spinhuis. P. 11—32.

Faist T. (2013) Transnationalism. *Roughtledge Internatiomnal Handbook on Migration Studies*. Ed. by S. J. Gold, S. J. Nawyn. Roughtledge. P. 449—460.